
Артурас Дубонис

**БОРЬБА ЗА ЛИТОВСКИЙ ПРЕСТОЛ ПОСЛЕ
СМЕРТИ КОРОЛЯ МИНДАУГАСА
(1264-1268 ГГ.)**

В связи с возвращением короля Миндовга (лит. Миндаугас/Mindaugas) к язычеству и его убийством осенью 1263 г. будущее Литовского государства становилось неясным. Практически все близкие родственники Миндовга были уничтожены, – спасся лишь сын от первого брака Войшелк (лит. Вайшялга/Vaišelga). Права на престол дальних родственников никем не гарантировались. Кроме того, претензии на литовское наследие выдвигали несколько политических сил европейского масштаба. Борьба за престол вспыхнула в первой половине 1264 г. после убийства князя Тройната (лит. Тренета/Treniota), одного из организаторов покушения на Миндовга. Политический хаос сумел прекратить выдвигенец литовской знати – Керновский князь Тройден (лит. Трайдянис/Traidenis). Это произошло в 1268–1269 гг., и монархом Литвы он оставался вплоть до 1282 г. До 1268 г. о нем не найдем ни одной заметки в исторических источниках. О его связях с династией Миндовга на данный момент можно сказать лишь то, что он, быть может, имел отношение к королевскому роду (не семье) посредством не прямых уз родства¹. Тройден восстановил и усилил великокняжескую власть в Литве, интегрировал территорию государства. Все это в 1289 г. перейдет в руки основателей династии Гедиминовичей.

Тройден пришел к власти, разрушив известную политическую гармонию, достигнутую благодаря договоренности Войшелка с галицко-волынскими князьями. Составитель Галицко-Волинской летописи не скрывает своего возмущения по поводу утверждения Тройдена². Впрочем, исследователи не склонны к переоценке проклятий летописца, поскольку такие в этой летописи встречаются постоянно³. И все же, в чем вина Тройдена?

До вокняжения его около 1268-1269 гг. политическая обстановка складывалась для Литвы неблагоприятно. Из той же Галицко-Волынской летописи (далее – ГВЛ) узнаем не только то, что Войшелк утвердился в Литве с военной помощью галицких и волыньских правителей, но и о его подчинении [досл.: самоусыновлении*] волыньскому князю Васильку Романовичу⁴. Формально, Литва стала вассалом княжества Романовичей.

Подчинение Войшелка. Эта проблема в литовской историографии является малоисследованной. Между тем, она отмечалась в работах украинских и российских историков. М. Грушевский оценивал ее в контексте распада некогда сильного государства юго-западной Руси. Поступок литовского князя Войшелка превратил Литву в галицко-волынського аннекса, открыл ворота украинскому (русскому) праву и влияниям культуры⁵. Грушевский пронизательно заметил, что прочность новой политической гармонии зависела только от сына Миндовга. Когда он был убит князем Львом, политическая «комбинация» рассыпалась, а позиции оставленного править в Литве в 1267 г. князя Шварна Даниловича были подорваны⁶. В. Т. Пашуто особенно не углублялся в обстоятельства акции Войшелка. Этот сюжет ему понадобился для того, чтобы продемонстрировать раскол между галицко-волынскими Романовичами, а также показать тенденциозность попыток придать Васильку и Владимиру Васильковичу в ГВЛ значение, несоответствующее их реальной роли. Советский исследователь обосновывал преваляровавшую в то время догму о поддержке русским народом литовцев в критические периоды их истории⁷. Положения Грушевского и Пашуто развил Н. Ф. Котляр. Поступок Войшелка он оценивал как один из признаков тайной враждебности и обоюдной неискренности галицко-волынских князей в ситуации, сложившейся после смерти князя Даниила. По мнению историка, составитель ГВЛ пытался возвысить его брата Василька, оставшегося старшим в роду, вообще же не очень деятельного князя⁸. Между Романовичами возникло несогласие, борьба за власть в этой ослабевающей и раскалывающейся державе, т.к. Лев ощущал обиду при разделе волости после смерти Даниила. Василько, Шварно и Войшелк изолировали Льва. В борьбе за власть в Галицко-Волыньском княжестве им принадлежала

инициатива, – главным образом, Шварну и Васильку⁹. Помимо этого, Василько Романович и его сын Владимир владели другой большой силой – информацией исторического содержания. В их окружении было отредактировано не только окончание ГВЛ, но и литовские известия за вторую половину XIII в. в этой летописи, начиная с сюжетов о Войшелке. Из-за этого осветить аспекты и мотивы межличностных связей исторических деятелей еще труднее.

Согласно концепции Котляра, Войшелк превращается в безвольную политическую марионетку в руках Романовичей, что должно было в конечном результате привести к созданию могущественного русско-литовского государства с главенством русской, а не литовской династии¹⁰. Между тем, этот князь-монах, сын короля сильного, признанного в Европе государства, один из прекрасно образованных литовцев XIII века, мог иметь и свои цели – или даже политическую стратегию, – которые, вероятно, отличались от целей Василька и Шварна. Позиции Войшелка в Литве не настолько твердые, как нас убеждает составитель ГВЛ, а вручение княжества Васильку – полно скрытых петель. Вассальная зависимость Войшелка и Литовского государства от князя Василька очень важны для ГВЛ, – хотя Н. Ф. Котляр пытается утверждать, что летописец и Василько не очень понимали значение события¹¹. Наоборот, составитель летописи и «стоящий за его спиной» князь Владимир целых четыре раза убеждают читателя, что Литва перешла его отцу Васильку¹². Удивительная редакционная избыточность... Эта информация из политической кухни: она уникальна, но реальна ли? Кажется, что да, т.к. имеются реальные последствия – военная помощь Войшелку. Тем не менее, в этих обстоятельствах можно отметить результат двусмысленной дипломатии Войшелка: формально власть в Литве отдавалась одному из Романовичей, Васильку, но реально отходила другому, Шварну. Его позиции были не столь сильны, как у Льва, но они родные братья, Даниловичи. Итак, несогласие в роду Романовичей углублялось, а Войшелк возвращался в монастырь. Тугой узел противоречий ограничивал действия Василька, Шварна и Льва и, как нам кажется 750 лет спустя, смог гарантировать целостность и сохранность Литвы.

Притесненный родственниками Лев Данилович – действительно могущественный деятельный властитель, проводивший активную заграничную политику с польскими княжествами, участвовавший в политических делах Венгрии и Чехии¹³. Он усиливает свое политическое положение в те времена простым способом: убив Войшелка в 1267 г., он ослабил позицию Шварна в Литве¹⁴. ГВЛ так и поясняет причину гибели Войшелка: не Льву была отдана власть в Литве¹⁵.

Возможно иное истолкование. Литва отходила Васильку потому, что последний стал, с формальной точки зрения, старшим галицко-волынским князем. Реальная власть же отошла *зятю* Войшелка Шварну: „*Воишелк да княжение свое зятю своему Шварнови*“¹⁶. И больше никаких скрытых мотивов. Ведь и композиция сообщения ГВЛ показывает, как за предоставленную военную помощь Войшелку пришлось принимать быстрое политическое решение, в то время как Даниил уже лежал на смертном одре. Вслед за рассказом о «самоусыновлении» сразу же объясняется, что Даниил тяжело болен; скоро он умирает¹⁷. Сын Миндовга гнушался временной жизни, сладость вечной будущей жизни для него была важнее. Это он постигал в монастыре и собирался продолжить там жить после краткого возвращения к мирским делам.

Скорее всего, следует сочетать оба истолкования. Но одно видится очень ясно: несогласие между галицко-волынскими князьями, двусмысленность поступка Войшелка и неожиданное деяние Льва открыли Тройдену дорогу к литовскому престолу.

Борьба за литовское наследство. Около литовского престола выстроился ряд солидных кандидатов. В 1264 г., в январе появился еще один претендент на наследство короля Миндовга – чешский король Пшемисл Оттокар. Новый претендент настолько удобен Льву, что заставляет нас присмотреться: а была ли политика чешского короля самостоятельной? Или же он находился под влиянием других заинтересованных сторон?

В адресованной Оттокару папской булле от 4 июня 1264 г. было отмечено выросшее влияние русских и татар в Литве (А. Шапока

заметил, что имеется в виду Галич¹⁸): “*rutheni et lithuani ... una cum tartaris eorum complicibus, quibus sunt foedere damnato coniuncti...*” и королю позволялось оставить завоеванные края за собой “*in tuo et heredum tuorum dominio perpetuo debeant permanere ...*”¹⁹. Булла появилась после того, как одного из убийц Миндовга, князя Треняты, несколько месяцев не было в живых (предположительно – не позже февраля 1264 г.²⁰). Латеран имел точную информацию об утверждении Войшелка в Литве и откликнулся на его подчинение Васильку (и соответственно, на появление у православного князя формальных прав на королевство Миндовга), что отмечено давно²¹. Кто доставил информацию Святому отцу: поляки и чехи? Скорее всего, это была работа третьего претендента на литовский стол – Немецкого ордена. В то время в Пруссии, очевидно, уже высохли чернила на только что составленном фальсификате донации Миндовга от июня 1260 г., по которой литовский король дарует Литву Ордену, если у него не будет потомков²².

В упомянутой булле от 4 июня 1264 г. папа требовал от чешского короля не нарушать прав крестоносцев и других католиков в Литве. Нетрудно заметить, что скрывается за требованием: прусское восстание изнурило крестоносцев, и Орден из последних сил старался закрепить за собой формальные права на Литву, хотя бы с помощью фальсификата. Они выбрали себе энергичного и влиятельного, но непосредственно не представляющего угрозы их политически-территориальным претензиям в языческих краях монарха Центральной Европы – чешского короля. Завязавшие с ним в 1254–1255 гг. отношения не прервались, стали теплеть: в декабре 1261 г. два из шести присутствовавших при его коронации на Чешское королевство епископов прибыли из Пруссии²³. Предполагается, что литовское наследство королю Пшемыслу Оттокару II было предложено случайно: он к появлению буллы от 4 июня 1264 г. отношения не имел, ибо в то время имел неотложные дела в империи²⁴. Поэтому «предложение» исходило от папы и крестоносцев. Но оно ему понравилось, так как он взялся его осуществлять в 1267 – январе 1268 г. Соглашением от 19 сентября 1267 г. с Орденем координировались интересы обеих сторон в

языческих странах. За ожидаемую от Пшемысла против восставших пруссов помощь немцы отказывались от своих «прав» на Литву. Вместе с Галиндией и Ятвягами она отходила к чешскому королю²⁵.

В определении цели похода опирающиеся на чешскую историографию исследователи более-менее единодушны. Влодарский считает, что Пшемysl своим походом преследовал две цели: 1) создать литовское государство (и с политической выгодой для себя передать польским князьям); 2) создать самостоятельную архиепископию в Оломоуце, отдельную от майнцской архиепископии²⁶. А. Шапока, соглашаясь, что целью было открытие отдельной архиепископии, детальнее останавливается на светских целях короля: король планировал создать церковную провинцию из завоеванных в Литве, Галиндии и Ятвягах территорий, плотно привязав ее к своему государству²⁷. Но Пшемysl должен был оставаться лишь сюзереном завоеванных земель, поскольку отдал бы их польским князьям в лен. Так решалось несколько политических проблем: мазовецкие и куявские князья получают во владение территории Галиндии и Ятвягов, за которые конфликтовали с Орденом; краковский князь Болеслав Стыдливый становится более дружелюбным, прекратив поддерживать против чешского короля своего тестя, венгерского короля Белу IV²⁸. С такими выводами согласен Гудавичюс²⁹.

Однако крестовый поход против язычников Пшемysl прервал в Пруссии в январе 1268 г. Папский ответ ограничил свободу действий короля в завоеванной Литве. Латеран мастерски ограничил его возможности усилить свое положение в языческих странах, оберегая таким образом интересы ослабленного восстанием пруссов Ордена³⁰. Вместе с тем, можно принять наблюдение Гудавичюса, что папа также охранял и свое право на Литву: христианская Литва была ничем иным, как владением Св. Петра (т.е. Латерана); в устах папы Миндовг даже превратился в светлой памяти жестоко убиенного литовского короля³¹. Так всплыл и четвертый претендент на литовский престол – Святой Отец.

Политическая ситуация между правлениями Миндовга и Тройдена (1263–1268/69 гг.) исключительно интересна. Она обнаруживает ожесточенную борьбу за престол Литовского

государства между несколькими наследниками, каждый из которых неплохо знал действия своего соперника. Кроме того, все были убеждены, что они имеют несомненное право на Литву.

Галицкий князь Лев Данилович в этой борьбе европейского масштаба за литовское наследство и судьбы языческих земель не был активным действующим лицом. Однако он мог стать одним из источников информации о положении в Литве для короля Пшемисла. Сделать это не составляло труда. Лев был женат на дочери венгерского короля Белы IV – Констанции³². Вместе с отцом Даниилом он поддержал своего тестя Белу IV в его конфликте с Пшемислом в 1260 г.³³ В 1261 г. Пшемисл женился на внучке короля Белы IV – Кунегунде, от любимой дочери Анны, – и в декабре коронуется чешским королем. Отношения между Чехией и Венгрией потеплели³⁴. Так, в первой половине 1266 г. Бела IV примиряется с сыном Стефаном (тот бросил вызов отцу за власть в 1262 г.), а 23 марта 1266 г. в мирном договоре участвует королевская семья и родственники: среди них – чешский король Пшемисл, польские – Болеслав Стыдливый, Болеслав Набожный, Лешек Черный. Замечено, что об этих семейных делах знал Лев, так как в том же году он наведывался с женой к тестю, ко двору венгерского короля³⁵.

Обладающий огромными политическими амбициями чешский король, как известно, интересовался делами язычников балтов, а известия он имел от прусских епископов (ассистенты при коронации – четкое политическое заявление об интересах в Пруссии), папы и, вероятно, от Льва. Может быть, это совпадение, однако после королевского съезда 1266 г., в котором одним из участников был князь Лев, Пшемисл решительно взялся за «литовские» дела.

Союз Льва Даниловича и Тройдена? В закулисных играх утверждения Тройдена в Литве присутствует сильный политический деятель – князь Лев Данилович. По указанию Владимира («книжника и философа») именно его двоюродному брату Льву составитель ГВЛ приписывает нелюбимые черты пьяницы и коварного обманщика³⁶: пьяный Лев убивает подвыпившего Войшелка – безумие; Лев обманывает двоюродного брата Владимира, тайно от него набросившись на замок Тройдена Новогрудок: «*Левъ же леств*

*оучини*³⁷”; его союзник Тройден тайно, украдкой воюет около Владимира: “*татемь воевашеть Володимера*³⁸”. Ведь Лев, убивший Войшелка, отнял все надежды утвердиться в Литве у своих оппонентов – Шварна, Василька и Владимира. Напрашивается предположение, что он содействовал упрочению политических позиций еще одного «кандидата» на литовский престол – чешского короля. Именно он, воюя за власть в юго-западной Руси, открыл путь к власти еще одному кандидату – литовскому князю Тройдену. Лев мог сблизиться с Тройденом после неудачного похода Оттокара в январе 1268 г.: в то время из-за Тройдена в Ливонию из Литвы сбежал один из последних нальщанских князей – Суксе с братом³⁹.

После смерти Войшелка или еще при его жизни в монастыре, во второй половине 1267 г., оценив действия Льва (распря с родственниками, убийство Войшелка) и его старания стать «лидером» в клане Романовичей, Тройден с четырьмя братьями начал борьбу за власть. Формальный наследник Войшелка в Литве Василько с сыном Владимиром пытался сдерживать военные силы выскочки. В борьбе были убиты три православных брата Тройдена⁴⁰. Литву был вынужден покинуть наместник Войшелка Шварно. Несомненно, князь Тройден понял, что согласные действия галицких и волынских князей несли бы угрозу существованию Литвы. А позиция Льва похожа на помощь Тройдену извне при захвате им власти в Литве⁴¹. В связи с этим можем даже говорить о реально произошедшей сделке Тройдена и Льва, по которой оба получали выгоду: Тройдену облегчалась задача получения власти, а положение конкурентов Льва – брата Шварна, дяди Василька и двоюродного брата Владимира, – становилось слабее. Если в январе-феврале 1268 г. бои рыцарей Ливонского Ордена при Даугаве с литовцами могли бы косвенно свидетельствовать об утверждении Тройдена, то поход литовцев в Сааремаа 16 февраля 1270 г. – точно его рук дело⁴².

Вырвавшись из политической изоляции, Льву пришлось окончательно отказаться от экспансионистской политики по отношению к Литве, унаследованной княжествами юго-западной Руси от Киевского периода. Тройден, политический деятель образца

Миндаугаса, добивался мира и дружбы у Льва, как некогда сам король Литвы добивался союза с магистром Ливонского ордена. Они обменивались подарками⁴³. Союз Льва и Тройдена был предопределен жизненно важными для обеих сторон обстоятельствами и политическими интересами. Он существовал несколько лет. После, почувствовав свою силу, Тройден его разорвал и занял Дрогичин, подчиняющийся галицкому князю. Волынский князь Владимир, через своего редактора в ГВЛ, иронически отнесся к этой коллизии⁴⁴. Но чего желать от партнера, который один уподоблялся троице земного зла в христианском мире (“*бъшетъ безаконьник, яко и Антиохъ Соурьскыи, Иродъ Ерслмьскыи и Неронъ Римьскыи*”)? Притом, друга Льва Даниловича...

¹ Dubonis A. Pirmieji Lietuvos valdovai: Giminiška meilė ir mirtina neapykanta // *Lituanistica*. – 2003. – № 2. – P. 3-11.

² Галицко-Волынская летопись // *Полное собрание русских летописей*. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1908, (далее – ИЛ). – 869: „Нача княжити в Литве. оканьный и безаконьный прокляты немилостивыи Троидеи егоже безаконья не могохомъ писати срама ради такъ бо бъшетъ безаконьник яко и Антиохъ Соурьскыи Иродъ Ерслмьскыи. и Неронъ Римьскыи“.

³ Paszkiewicz H. *Jagiellonowie a Moskwa*. – Т. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku, Warszawa. – 1933. – S 124-125.

* Самоусыновление – термин, передающий древнерусское выражение «нарекль бъшетъ... отьца собе» *Прим. переводчика*.

⁴ ГВЛ. – Стр. 862: Войшелк „нарекль бо бъшетъ Василка оца собе и господина. а король (Даниил – *прим. Наше, А. Д.*) бъшетъ тогда впаль в болеть великоу. в неижь и сконча животь свои“; Стр. 863: „Воишелкъ же нареклъ и бъшетъ. Василка аки оца собе и господина. ... и видевь. Воишеволкъ помочь Шварнову и Василковоу оца своего. и радъ быс велми.“; Стр. 867: Войшелк „и почя житии в манастыре тако река. се ми зде. близъ мене сынъ мои Шварно. а другии г[о]с[поди]нъ мои. о[те]цъ князь Василко“.

⁵ Грушевський М. *Історія Украпини-Руси*. – Т. 3 (до року 1340): Вид. 2-е. – Львів, 1905. – С. 93-94.

⁶ Там само. – С. 94.

⁷ Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. – М., 1950. – С. 116-117, 292-294. Позже он отказался от определенных выводов: писал о том, что Войшелк, пользовавшийся поддержкой Шварна, передал последнему власть в Литве, и усилил влияние Галицкого княжества. (См.: Пашуто В. Т. *Образование Литовского государства*. – М., 1959. – С. 385).

⁸ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (Источники, структура. Жанровые и идейные особенности) // *Древнейшие государства Восточной Европы / Материалы и исследования*. 1995 год. – М., 1997. – С. 147-148, 154.

- ⁹ Котляр Н. Ф. Галицко–Волынская летопись. – С. 149-150; Włodarski B. *Polska i Ruś 1194-1340*. – Warszawa, 1966. – S. 150-151.
- ¹⁰ Котляр Н. Ф. Галицко–Волынская летопись. – С. 148-149. Он повторяет Грушевского: Литва – аннекс ГВ (См.: Грушевський М. Історія України–Руси ... – Т. 3. – С. 93-94).
- ¹¹ Котляр Н. Ф. Галицко–Волынская летопись. – С. 149.
- ¹² См. ссылку 4.
- ¹³ Пашуто В. Т. Очерки... – С. 102-103; Włodarski B. *Polska i Ruś*. – S. 151-157.
- ¹⁴ Котляр Н. Ф. Галицко–Волынская летопись. – С. 149.
- ¹⁵ ГВЛ. – Стр. 868: Лев „оуби Воишелка. завистью. оже бяшетъ. даль землю Литовьскую. братоу его Шварнуви“. В своей более ранней работе Пашуто, комментируя напряженные отношения Войшелка и Льва, заметил, что литовцу (*т.е. Войшелку – прим. наше, А. Д.*) мстили за убийство брата Романа при Бурундаевом походе 1259 г. (См.: Пашуто В. Т., Очерки... – С. 114). Позже он пересмотрел этот тезис – Роман, возможно, и не погиб, поскольку в 1259 г. какой-то Роман с мазовецким войском ходил на князя Казимира (См.: Пашуто В. Т. Образование... – С. 382 (95 прим.)). Последнее положение поддержано большинством исследователей (См.: Włodarski B. *Polska i Ruś*. – S. 147; Gudavičius E. *Mindaugas*. – Vilnius, 1998. – Đ. 299). Судьба Романа не могла быть яблоком раздора между Войшелком и Львом.
- ¹⁶ ГВЛ. – Стр. 867. Войшелк выдал замуж свою сестру за Шварна Даниловича (См.: ГВЛ. – Стр. 830; Gudavičius E. *Mindaugas*. – P. 149-150).
- ¹⁷ ГВЛ. – Стр. 862. Войшелк “нарекль бо бяшетъ Василка оца собе и господина. а король (Даниил – прим. наше, А. Д.) бяшетъ тогда впаль в болеть великоу. в неижє и сконча животь свои”.
- ¹⁸ Šapoka R. Premislo (Ottokaro) II tygiai á Prūsus, *Praeitis*. – Ń. 3: 1939-1940 sudarė Janulaitis R., Ivinskis Z., Jablonskis K.; 1992 sudarė Kiaupienė J. ir Kiaupa Z., Dundulis B. (redaktorius). – Vilnius, 1992. – Đ. 22.
- ¹⁹ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*. – Т. 1: (1217-1409) / ed. Theiner A. (далее – VMPL). – Romae, 1860. – № 149.
- ²⁰ Gudavičius E. *Kryžiaus karai Pabaltijje ir Lietuva XIII a.* – Vilnius, 1989. – Đ. 147-148.
- ²¹ Ibid. – С. 148.
- ²² *Preußisches Urkundenbuch // Politische Abteilung*. – Bd. 1. – Hf. 2. – Hrsg: Seraphim A., Königsbergi. – Pr., 1909. – № 106; Stakauskas J. *Lietuva ir Vakarų Europa XIII-me amžiuje*. – Kaunas, 1934. – Đ. 140. Замечание исследователя о времени и обстоятельствах происхождения фальсификата совершенно правомерно; согласно его мнению, отношения чешского короля и Ордена не были дружественными – так последний оберегал себя от претензий короля.
- ²³ Włodarski B., *Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV wieku (1250–1306)*. – Lwów, 1931. – S. 38, 44.
- ²⁴ Włodarski B., *Polska i Czechy*. – S. 46-48; Šapoka A., Premislo (Ottokaro) II žygiai į Prūsus. – p. 22.
- ²⁵ VMPL. – № 155.
- ²⁶ Włodarski B. *Polska i Czechy*. – S. 52-53
- ²⁷ Šapoka A. Premislo (Ottokaro) II žygiai į Prūsus. – P. 28-29.
- ²⁸ Ibid. – С. 29.

- ²⁹ Gudavičius E. Kryžiaus karai. – P. 152-153.
- ³⁰ Исчерпывающе в исследовании: Šapoka A., Premislo (Ottokaro) II žygiai į Prūsus – Š. 25-30.
- ³¹ *Preußisches Urkundenbuch / Politische Abteilung.* – Bd. 1. – Hf. 2. – а. 279: “...ut si terram Letowie, de qua predictae sedis auctoritate regnum extitit constitutum presidente illi clare memorie Mindota, qui post receptum baptismatis sacramentum auctoritate apostolica coronatus in regem fuit tandem a quibusdam perditionis filiis crudeliter interfectus, de manibus inimicorum ... eripi ... contigerit ...”; Gudavičius L. Kryžiaus karai. – P. 153.
- ³² Грушевський М. Історія України–Руси ... – Т. 3. – С. 68; Włodarski B. Polska i Czechy. – S. 12.
- ³³ Włodarski B. Polska i Czechy. – S. 35.
- ³⁴ Грушевський М. Історія України–Руси ... – Т. 3. – С. 38, 44.
- ³⁵ Грушевський М. Історія України–Руси ... – Т. 3. – С. 44 (3 прим.); Włodarski B. Polska i Czechy. – S. 152.
- ³⁶ ГВЛ. – Стр. 920-921: “...князь Володимиръ ... не лживъ. татьбы ненавидяше. питья же не пи ... не помрачи своего оума пьянствомъ ...”.
- ³⁷ ГВЛ. – Стр. 873; Пашуто В. Т. Очерки... – С. 294.
- ³⁸ ГВЛ. – Стр. 871.
- ³⁹ Paszkiewicz H. Jagiellonowie. – S. 119 (ссылка № 1).
- ⁴⁰ ГВЛ. – Стр. 871: “о(те)ць Володимировъ. князь Василко. оубиль на войнахъ. “г” (три). браты Троиденеви же про то не живяше с нимъ в любви. но воевашеться с нимъ”.
- ⁴¹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. – С. 154.
- ⁴² Прямых указаний на время взятия власти Тройденем нет; лишь критерий – он сразу взял курс на жестокую войну с Ливонией, что было чуждо Войшелку. (См., Paszkiewicz H. Jagiellonowie. – S. 119).
- ⁴³ ГВЛ. – Стр. 871: “Троиденеви же еще княжцоу. в Литовьскои земле. живяше со Львомъ во величе любви. шлючи многы дары межи собою”.
- ⁴⁴ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. – С. 154-155; ГВЛ. – Стр. 871: “Троидении забывъ любви Лвовы. послав Городняны веле взяти Дорогичинъ”.